

* * *

В сорок пятом победном году
в состояньи души невесомом
я по летнему лугу иду,
vasilek на губе — саксофоном.
Для доживших до светлого дня
страх бомбажек полночных окончен.
Я — живой. И звенит для меня
мой двоюродный брат, колокольчик.
Спят в воронках от бомб пацаны.
Их ромашки осипали звоном.
Были мы перед смертью равны,—
vasильки на губах — саксофоном.
Приминая ногами траву,
мне келовко признаться ребятам,—
но за то, что на свете живу,
я не числю себя виноватым.
Вместе с зеленью к солнышку рвусь,
бликам неба живого причастен.
Ожидания смертного груз
снял я с плеч, задыхаясь от счастья.
Ни зенитка вдали не стучит,
ни земля не трясется со стоном,—
оттого для меня и звучит
vasilek на губе — саксофоном.